

УДК 94 (497.6)

**НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО
КРИЗИСА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 90-х гг. XX в.
В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ**

И.О. Змитрович

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются некоторые основные национальные, конфессиональные и социально-экономические предпосылки этнополитического кризиса первой половины 90-х годов XX в. в Боснии и Герцеговине, гражданской войны 1992-1995 гг. в республике.

The article considers the main national, confessional and social preconditions of the ethno – political crisis in Bosnia in 1990's, of the Bosnian civil war in 1992-1995.

Этнополитическому кризису в Боснии и Герцеговине, ядром которого явилась гражданская война 1992-1995 гг., предшествовал комплекс явлений и процессов, прямо или косвенно повлиявших на последующее развитие событий.

Этническая структура республики была представлена тремя крупнейшими национальностями: мусульманами (босняками), сербами и хорватами. Согласно переписи 1991 г. мусульман в Боснии и Герцеговине было 1 905 829 чел. (43,7%), сербов – 1 369 258 (31,4%), хорватов – 755 892 (17,3%). Около 240 тыс. чел. (5,5%) называли себя югославами [1, с. 221].

Существуют различные мнения об этническом составе общин – территориальных единиц БиГ. Так, М.Мартынова пишет, что в начале 1991 г. мусульмане имели абсолютное большинство в 48,6% общин, сербы – в 33%, хорваты – в 17,4% [2, с. 199]. Н.Васильева и В.Гаврилов отмечают, что из 106 общин Боснии только 10 являлись относительно мононациональными, лишь в 8 общинах преобладали 80-89% представителей одной национальности. В целом мусульмане в той или иной мере преобладали в 49 общинах, в 37 – сербы, в 20 – хорваты [3, с. 364]. Е.Ю.Гуськова приводит данные, что мусульмане составляли более 50% населения в 35 общинах, сербы – в 32, при этом последние составляли абсолютное большинство на 53% территории республики. Трудности и противоречия в подсчетах во многом объяснялись и тем, что распад Югославии, начавшийся в 1991 г., обусловил значительную миграцию населения. К 1992 г. в Боснии и Герцеговине находилось, например, около 100 тыс. сербов, выехавших из Хорватии и Словении [1, с. 221].

В г. Мостаре в 1991 г. проживало мусульман – 35%, хорватов – 34% и сербов – 19% от населения города. На территории Босанского Посавинья в 1991 г. жили 375 903 чел., из них 134 452 хорвата, 107 490 мусульман, 104 804 серба и 29 157 представителей других национальностей [4, с. 299]. Поэтому произвести раздел по этническому признаку, соблюдая справедливость, было невозможно, так как доминирующего большинства просто не было.

Как правило, представители различных народов старались селиться компактно, занимая отдельную часть города. Так, в Мостаре хорваты проживали, главным образом, в северо-западной части города, тогда как мусульмане и сербы занимали восточную часть. Подобная тенденция была характерна для многих крупных городов, в частности и для Сараево. Но процессы компактности в расселении народов Югославии ни в коем случае не стоит абсолютизировать. В 1991 г. 27% браков в Боснии и Герцеговине были смешанными. А из 111 общин БиГ (включая районы и пригороды Сараева) в 49 не было даже 60% численного преимущества ни у одной этнической общности [5, с. 72]. Учитывая это, а также фактор длительного проживания в едином социалистическом государстве, следует отметить, что идеи этноконфессиональной нетерпимости здесь широко не распространялись и в целом были редкостью до конца 80-х годов XX в. включительно.

Характеризуя этническую историю БиГ, следует обратить внимание на ряд важных аспектов. Предки жителей республики (мусульман, сербов, хорватов) в большинстве своем жили здесь с древнейших времен, их этнические и конфессиональные особенности формировались под воздействием конкретно-исторической ситуации в период средневековья. Самой «молодой» этнической группой в Боснии и Герцеговине стали мусульмане, появившиеся здесь в период османского владычества XV-XIX вв. как результат обращения части местного славянского населения в ислам. Однако окончательное оформление мусульман как этнической группы относится ко второй половине XX в., когда БиГ входила в состав социалистической Югославии – в 1971 г., они официально были признаны самостоятельным этносом [3, с. 292]. Именно в этот период мусульмане, обогнав сербов, вышли на первое место по численности среди народов БиГ.

Говоря об этнической идентификации жителей Боснии и Герцеговины, следует отметить, что сербы и хорваты ощущали историческое и культурное единство с Сербией и Хорватией. Сложнее дело обстояло с мусульманами (в БиГ этот термин использовался как

национальное, а не конфессиональное определение; более верным названием этой общности был постепенно внедряемый термин «босняки»). Некоторые полагают, что корни мусульман следует искать среди средневековых боснийских еретиков – богумилов [6, с. 44]. Теории о том, что боснийские мусульмане есть не кто иные, как хорваты, принявшие ислам, или сербы, которые «потурчились» в период османского господства, стали неотъемлемой частью идеологии сербских и хорватских националистических (и не только) политических сил. Точку зрения хорватских национал-радикалов ярко отражали слова первого президента Хорватии Ф. Туджмана: «Объективное исследование численного состава Боснии и Герцеговины не может пройти мимо того факта, что большинство мусульман по своему характеру и речи бесспорно хорватского происхождения» [7, с.442]. В то же время необходимо признать, что за столетия существования в условиях исламской культуры мусульмане Боснии и Герцеговины приобрели устойчивые черты особой этнической общности.

Существовали определенные проблемы и в истории межнациональных отношений. Так, сербские радикалы и обыватели нередко ассоциировали длительное турецкое угнетение с современными мусульманами Боснии, а хорватов обвиняли в фашизме. Мусульмане и хорваты, в свою очередь, подозревали сербов в шовинизме и желании создать «Великую Сербию» за счет других народов.

Между положением ведущих этносов в Боснии и Герцеговине существовали определенные социальные различия. Мусульмане традиционно, со времен турецкого владычества, селились в городах, занимаясь торговлей, интеллектуальным трудом и т.д. Хорваты и особенно сербы – главным образом, сельские жители. Это стало, в свою очередь, питательной почвой для определенных противоречий, в том числе предубеждений крестьян против горожан и наоборот. Западный исследователь А. Найер даже считал возможным обозначить такое положение как «классовый антагонизм» – противостояние более бедных и менее образованных крестьян-сербов зажиточным и, как правило, более образованным мусульманам из городов. Автор попытался даже объяснить классовой ненавистью продолжительные атаки сербов и хорватов на «мусульманские» города (Сараево, Мостар. Сребреница, Тузла) и «этнические чистки» среди мусульманской интеллектуальной элиты (учителей, инженеров, ученых, чиновников и т.д.) [8, с.171-172]. Это мнение, не являясь безосновательным, однако

не объясняет всей сложности этнополитических и военно-политических процессов в Боснии и Герцеговине.

Существовала и проблема распределения земельной собственности в республике перед началом боевых действий, к чему часто апеллировали воюющие стороны позже. Так, лидер боснийских сербов Р. Караджич в интервью заявил, что сербы имели до войны в собственности 64% земли. Примерно такую же цифру называли и западные политики С. Вэнс и Д. Оуэн (60%). И это представляется реалистичным, т.к. основная часть земель находилась в руках крестьян, а горожане просто не могли ее много иметь.

В то же время следует учитывать, что ни одна этническая группа не могла владеть и распоряжаться рекреационными и инфраструктурными ресурсами БиГ (дорогами, горами, реками, общественными землями и т.д.). Так или иначе, но этот вопрос, имевший в годы гражданской войны 1992-1995 гг. практическое значение, активно обсуждался в периодической печати начала 90-х годов.

Территория республики была чрезвычайно богата сырьевыми ресурсами – здесь располагались 85% общегославских запасов железных руд, более 40% бурого угля, 40% бокситов, около 60% асбеста, значительная часть свинцово-цинковых руд и др. [3, с. 363]. Сельское хозяйство республики находилось в прямой зависимости от сохранения единой экономической системы. Так, наиболее плодородные долины находились в центральных районах, позднее взятых под контроль мусульманами, а крупнейшие картофельные плантации размещались на границе с Хорватией, во время войны занятые сербами. БиГ не относилась к промышленно развитым регионам Югославии, однако именно здесь располагалось 65% военной промышленности СФРЮ, в том числе заводы по ремонту реактивных установок, танков, артиллерийских орудий, самолетов и военного снаряжения.

Вышеуказанные противоречия в сочетании с экономическими трудностями на рубеже 80-90-х годов XX в., новой государственно-политической ситуацией в Югославии и Боснии, принципиально различным пониманием тремя этноконфессиональными общинами БиГ оптимального государственно-политического статуса республики, стратегии развития и привели к политическому кризису, который вскоре трансформировался в гражданскую войну.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськова, Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000) / Е.Ю.Гуськова. – М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001.

2. Мартынова, М.Ю. Балканский кризис: народы и политика / М.Ю.Мартынова. – М.: Старый сад, 1998.
3. Васильева, Н. Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н.Васильева. В.Гаврилов. – М.: Гея итэрум, 2000.
4. Международные организации и кризис на Балканах: документы: в 3 т. / сост. и отв.ред. Е.Ю.Гуськова. – М.: Индрик, 2000. – Т.2.
5. Центральнo-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3 т. / редкол.: А.Д.Некипелов (гл.ред) [и др.]. – М.: Наука, 2000-2002. – Т.3 : Трансформации 90-х годов. – Ч. 2 / С.П. Глинкина [и др.]. – 2002.
6. Задохин, А.Г. Пороховой погреб Европы: балканские войны XX века / А.Г. Задохин, А.Ю. Низовский. – М.: Вече, 2000.
7. Уэст, Р. Иосип Броз Тито – власть силы / Р. Уэст. – Смоленск: Русич, 1997.
8. Найерн, А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / А. Найер. – М.: Юристъ, 2000.

УДК 001.83(100):94(420:47.084.8)

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ БАЗА
СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ
И КОНТАКТОВ В 70-80-е гг. XX века**

Л.Г. Королёнок

УО «Гродненский государственный медицинский университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируются советско-британские научные связи и контакты в 70-80-е годы XX века. Рассматривается организационно-правовая база отношений, содержание и формы сотрудничества между двумя странами.

In the article analyzes Soviet-Britain scientific contacts in 70-s-80-s years of the XX century. The article represents legal basis of relations, different forms and subjects of scientific contacts between Soviet Union and Great Britain.

Советско-британские связи и контакты в 70–80-е гг. XX века составляли один из элементов системы международных отношений в Европе и международной жизни в целом. Отношения между двумя странами были сложными, что определялось политической конъюнктурой того времени.

В эти годы развивались и научно-технические связи, которые осуществлялись, прежде всего, в форме ознакомительных поездок по взаимному изучению различных проблем, двусторонних семинаров, конференций, стажировок ученых и специалистов. Научно-технические контакты с Великобританией поддерживали Академия наук СССР и ее научно-исследовательские институты, вузы, промышленные предприятия и организации.

Организационно-правовую базу данного научного сотрудничества в указанные годы составляли двусторонние договора